

Марина Новикова

Нундина

Короткая сказка о том, как русалка попала в городской бассейн.

Как-то раз среди голубых озёр и лесов, среди простора и тишины, вдали от цивилизации европейских городов, в Латгалии жила одна русалка. Звали её Нундина. Была она грудастая, сладкоголосая, с бесцветными, бездонными глазами, нежной беловатой кожей и сизым мускулистым хвостом. Качалась она на берёзовых ветвях, щекотала тех, кто не мог устоять перед её пением. Но житьё у неё было скучным, так как народу было мало, всех кто ей попался на озере она пощекотала, а остальные местные обходили русалочьи заводи стороной. И ещё, - беспокойство и любопытство одолевало Нундину, когда она думала о людских домах, ну и зависть к женщинам была, что зажигали огни в тех домах. Такая вот уродилась.

И как-то раз ей повезло, приехал на озеро городской незнакомец отдохнуть и порыбачить. Был у приезжего мужчины рельеф мускулатуры, сильные красивые руки и много замысловатых, ярких снастей. Как увидела русалка человека, так мгновенно полюбила его. А надо вам сказать, что любовь русалочья - что та трава озёрная донная, ползучая, обвивающая, цепкая. Полюбить - это завлечь голосом сладким, приманить телом гибким, заиграть-заласкать человека до одури, защекотать до полусмерти, и забавляться-развлекаться послушной добычей. Да, человек терял и память и волю. А потом сама русалка решала - то ли бросить добычу на волю судьбы, то ли тащить полуживоу на дно озёрное на вечную память.

Мужчина неторопливо снасти на берегу разложил, что надо закрепил, приладил, и был готов ловить рыбу. «А рыбы здесь нет», певуче и сладко протянула Нундина.

«Кто здесь?», рыбак встрепенулся.

А русалка ничего не ответила, а засмеялась переливчато и запела.

Приезжий недолго боролся с искушением, и вскоре легко запрыгал к ловушке.

«Разрешите присесть рядом?» - промямлил он, опускаясь коленями на траву, а сам уже покрасневшийся мял в руках пучок ромашек.

«Иди ко мне ближе, глупец двуногий», прошептала русалка сквозь чарующий смех.

Тут у приезжего «понеслась душа в рай», потому что тварь хвостатая обвилась вокруг него, да прильнула грудью, да стала ластиться, да руками умелыми ласкать, да губами к его губам присосалась, а потом стала шептать в ухо, манить и звать в даль светлую.

Вот уже звёзды ночные высыпали, рыбак одурел, про рыбалку забыл, и только под щекотку русалочью подлаживался.

Мигом пролетели три дня в играх, купаниях и ласках. Пришла пора возвращаться, да человек забыл, что дома у него жена и говорит русалке: «Поедем со мной в город, не расстанусь с тобой ни на день, ты такая мастерица щекотать, никого более не хочу.»

А Нундине только того и надо, давно ей хотелось в дом людской попасть. Рыбак на руках донёс чудо озёрное до машины, прикрыл грудь её голую курткой, и покатил домой с головой туманной, от отдыха забубённой.

Пока одной рукой мужчина искал ключ в кармане, заслышав шум на пороге, дверь открыла жена. Увидела она мужа любимого, а на груди его тварь хвостатую смеющуюся, ахнула и отступила назад в угол. Рыбак тяжело ввалился в дом и говорит: «Здравствуй, Клава. Мы теперь втроём жить будем, надо русалке в ванную воды набрать.»

А надо вам сказать, что Клава была девушкой сдержанной, вежливой, но в тайне от мужа прошла она модный тренинг по прокачке женственности, и в смекалке ей было не занимать. «В какую ванную? там твои рубашки замочены.... А у неё хвост в слизи, синий, белое покрасит», разумно ответила женщина. Поспешила в темноту и вернулась с тазиком: «Пусть пока здесь посидит».

И Нундина свернула свой хвост кольцом, да скрючившись втиснулась в таз, не до смеха и песен ей стало. А герой наш наоборот- от ноши нелёгкой плечи распрямил, грудью полной вздохнул, сладковатый аромат гуляша ноздрями втянул, и попросил ужина у своей

супруги законной. Шутка ли, три дня ничего не ел, все силы на отдых растратил. А когда от тарелки оторвался, поднял глаза и видит - стоит его Клава у плиты в лёгком платье, а внизу ноги длинные, сильные, и воланы платья над крутыми икрами так и волнуются, так и колышутся, прямо как волны на латгальском озере. Тут забыл человек про русалку хвостатую, сытый и довольный жизнью встал из-за стола и привычно приобнял жену.

Сидит Нундина в луже в тазике в темной прихожей, сопит от тесноты и злости и слышит, как теперь уже Клава переливчато смеётся. Тут хозяйка вышла, платье поправила, ни слова ни сказав, таз с гостьей незваной выпихнула за порог дома, и ключом щёлкнула.

Огляделась по сторонам русалка, а ни одной берёзы во дворе. «Ночь, и где же я тут посижу, где на ветвях покачаюсь? Ой, папа болотный Леший, зря я потащила с городским, ничего я не разглядела, только разозлилась, да и смех у этих женщин серебряный, зовущий, прям русалочий, а ещё эти ноги...две ноги..., тьфу. Ой, надо было залюбить этого рыбачка на дне глубоко, спала бы сейчас мягко на ветвях берёзовых качаясь», так думала Нундина пока ползком-кувырком двигалась от дома и выкатилась прямо на дорогу.

Из-за угла фары осветили улицу, завизжали тормоза, и ругань крепкая плотно заполнила тишину ночи. Из машины выскочил шофёр и глаза выпучил – лежит на дороге баба голая и улыбается. Он к ней на помощь, а баба как вскинулась, да за шею руками длинными зацепилась, зашептала в ухо –«вези меня к воде, да быстрее, не то зашекочу до смерти». держит крепко, Хвостом хлещет люто, не отвертеться бедному. Испугался шофёр, повёз склизкую, и у городского бассейна выпустил, даже на грудь её большую не позарился, так страшно ему сделалось.

Заспанный охранник вышел из здания покурить, а чудо хвостатое и заползло внутрь, чутье подсказало русалке куда сворачивать к воде ближе. Ой, не вода это была родных чистых озёр, а-жидкость хлорированная. Но распрямилась наша Нундина, выгнулась луком, на глубину ушла, потом подпрыгнула, перевернулась, снова скрутилась, хвостом шлёпнула, юзом прошлась по дну и заснула до утра.

Вот так и оказалась латгальская нелюдь в городском бассейне. Там пришлось ей маскироваться под длинным халатом, мыть полы в женской раздевалке пока не собрала она немного денег. Тут и случай представился, и добралась она до родных мест в кабине дальнбойщика. Отдышалась туманами, отмылась в ключах холодных, откачалась на берёзах и в ноябре залегла на зимний сон в родной заводи.

Вот вы теперь спросите, а откуда я это всё знаю, вам рассказываю, и не выдумки ли это всё? А я отвечу: нет, не выдумки. Ездил я в латгальскую баню к одному деду и он за липовым чаем после парарассказал про местную Нундину, что ещё парнем познакомился с нею, но прошлое не ворошил, зато про нынешние дела с русалкой поделился охотно. Мол де она ему о своём озёрном-донном докладывает, а он её шмаковой в холодные дни согревает. И ещё добавил дед: «Мы тут в краю своём всех своих нелюдей знаем и в озёрах, и в лесах, и на болотах, кого как зовут, какой характер имеет, что любит и что на дух не переносит, Но почему зря мы их не беспокоим, мы природу уважаем».

Поэтому отказал мне в просьбе увидеть русалку. А на мой вопрос, зачем ему лично русалкины рассказы про щекотку и игры у воды с мужиками, руками всплеснул и горячо ответил: «Мы в Латгалии денег европейских видим мало, а я истории Нундины записал уже целую толстую тетрадь. Я её в Германии одному издателю продам. Деньги мне на новую баню надо».

Деду я поверила. Там, где новый проект требует денежных средств от Европы, тем не до выдумок, прожектов красивых, это дело серьёзное, поэтому и рассказ мой серьёзный.